

HISTOIRE DU CONSULAT ET DE L'EMPIRE,

PAR M. THIERS, T. XVIII.

(ИСТОРИЯ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ).

СОЧ. ТЬЕРА, Т. XVIII.

(Статья третья.)

Мы оставили императора Наполеона въ Сень-Дизье, окруженнаго многочисленною кавалеріей Винценгероде и воображавшаго, что за нимъ слѣдуетъ вся армія союзниковъ. Всѣ донесенія генераловъ были, по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Въ это время, Коленкуръ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы возобновить переговоры, которые безразсудно, по его мнѣнію, были прерваны въ Шатильонѣ. Плѣненіе барона Вессенберга представляло къ тому удобный случай. Его отпустили съ условіемъ передать Метерниху письмо отъ Коленкура, въ которомъ тотъ объявлялъ, что императоръ готовъ на всякія пожертвованія, хотя снова умалчивалось, на какія именно. И на эту ничтожную уступку Коленкуръ, вмѣстѣ съ Бертье, съ трудомъ уговорилъ императора. Съ Вессенбергомъ захваченъ былъ и Витроль, возвращавшійся изъ поѣздки своей къ графу Артуа. Къ

счастью, его никто не узналъ, и онъ былъ отпущенъ съ Вессенбергомъ, какъ его камердинеръ. Наконецъ, уже 26 числа, положено было сдѣлать рекогносцировку, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли вся армія коалиціи слѣдуетъ за Наполеономъ. Можно представить себѣ общій ужасъ и негодованіе, когда она узнала объ исходѣ феръ-шампенуазскаго боя и о движеніи союзниковъ на Парижъ: вся армія единодушно требовала идти на спасеніе столицы. Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія: онъ именно теперь-то и желалъ исполненія своего плана, чтобы собрать статысячную армію, которая для него была дороже самаго Парижа.

Но нужно было уступить общему желанію, а рѣшившись идти на спасеніе столицы, не слѣдовало терять ни одной минуты. Ускоренными маршами пошла, 28-го, армія на выручку великаго города. Черезъ два дня императоръ съ Коленкуромъ и Бертье бросили ее, чтобы лично поспѣть какъ можно скорѣе въ Парижъ, въ которомъ присутствіе Наполеона могло надѣлать новыхъ чудесъ. 30-го, ночью, Наполеонъ прибылъ въ Фроманто и потребовалъ къ себѣ воинскаго начальника. Здѣсь находился генералъ Бельяръ, который, въ исполненіе капитуляціи, отправлялся въ Фонтенбло приготовить военныя квартиры для войскъ маршаловъ, защищавшихъ Парижъ. На него посыпались сотни вопросовъ изъ устъ императора, почти не выслушивавшаго отвѣтовъ:

- Гдѣ армія?
- За мною.
- Гдѣ непріятель?
- У воротъ Парижа.
- Кто въ Парижѣ?
- Никого: онъ очищенъ.
- Какъ очищенъ! А мой сынъ, моя жена, мое правитель-ство — гдѣ они?
- На Луарѣ.
- На Луарѣ? Кто произнесъ такое рѣшеніе?
- Ваше величество, говорятъ, на это было ваше желаніе.
- Въ моихъ приказаніяхъ этого не было.... Но что стало съ Юсифомъ, Кларкомъ, Мармономъ. Мортье? что они дѣлали?

— Первыхъ мы не видали, а маршалы съ арміей и національной гвардіей геройски защищали городъ.

— А мои двѣсти пушекъ въ Венсенъ—что сдѣлали съ ними? А мои храбрые Парижане—почему ихъ не употребили для защиты?... Иосифъ погубилъ для меня Испанію и губить теперь Францію.... А Кларкъ! Я долженъ бы былъ повѣрить Ровиго, когда тотъ называлъ его трусомъ, измѣнникомъ, да и еще бездарнымъ.... Но довольно жаловаться. Нужно поправить дѣло, если еще возможно.... Коленкуръ, карету!...

Его старались успокоить, увѣряли, что уже поздно, что армія очистила Парижъ, что непріатели вошли въ столицу, въ силу заключенной капитуляціи.

— Капитуляціи! воскликнулъ Наполеонъ. — А кто этотъ трусъ, который подписалъ ее?

— Храбрые люди, ваше величество, которые не могли поступить иначе.

Дѣлать было нечего: обстоятельства были слишкомъ противъ Наполеона и, казалось, готовы были сломить эту сильную натуру. Императоръ сѣлъ подлѣ фонтана, опустилъ голову на руки и погрузился въ глубокое раздумье. Но это раздумье продолжалось недолго: онъ вернулся въ станціонную комнату и потребовалъ свои карты. Онъ говорилъ, глядя на одну изъ нихъ: «Александръ понравится Парижанамъ. Онъ не золъ: онъ не сожжетъ Парижа. Онъ сдѣлаетъ завтра смотръ. Часть его войскъ будетъ на правомъ берегу Сены, другая — на лѣвомъ, третья — внутри города, другія — внѣ его. Если бы здѣсь у меня была армія, я раздавилъ бы ихъ всѣхъ. Народъ присталъ бы ко мнѣ, бургундскіе крестьяне покончили бы дѣло, и ни одинъ изъ нихъ не добрался бы до Рейна. Нѣсколько дней, только нѣсколько дней,—и могущество Франціи было бы восстановлено!» Ему отвѣчали, что армія придетъ, и чрезъ нѣсколько дней можно исполнить то, что онъ замышлялъ. Императоръ, который никогда не допускалъ возможности революціи, быстро подошелъ къ Коленкуру и сказалъ ему: «Вы не знаете людей, Коленкуръ! Три дня! Вы не знаете, что можно сдѣлать въ такое короткое время! вы не знаете, что интриги сдѣлаютъ со мною! вы не знаете, сколько людей меня оставляютъ! Говорятъ, что я приказалъ вывезти императрицу и моего сына изъ Парижа. Это правда.... но я не могу всего сказать. Императрица ребенокъ: ее сдѣлали бы орудіемъ

противъ меня, и какихъ актовъ не заставили бы подписать ее!... Но забудемъ эти дразги.» Онъ замолчалъ, снова задумался и черезъ нѣсколько минутъ рѣшился отправить Коленкура къ Императору Александру — представить ему опасность, которой онъ подвергался въ столицѣ, въ случаѣ, если Наполеонъ съ 30,000 арміей двинется на Парижъ, предложить миръ на шатильонскихъ основаніяхъ и добиться открытія переговоровъ. Главное было — выиграть время, а тамъ подойдетъ армія, и мечъ въ послѣдній разъ рѣшить судьбу Франціи и императора. Коленкуръ принялъ предложеніе, надѣясь не столько на исполненіе плана императора, сколько на возможность начать дѣйствительные переговоры о мирѣ съ союзными государями. Самъ Наполеонъ отправился въ Фонтенбло, чтобы сосредоточить здѣсь, на р. Эссоннѣ, войска, которыя велъ за собою, и остатки корпусовъ Мармона и Мортъе.

Прибывъ въ Парижъ, Коленкуръ немедленно отправился въ ратушу, чтобы переговорить съ муниципальными властями; но они уже были въ Бонди и представлялись Императору Александру, ходатайствуя предъ нимъ о парижскомъ народѣ. Александръ принялъ ихъ очень ласково. Всѣ гуманныя свойства его обнаружились при этомъ случаѣ: онъ высказалъ снова, что велъ войну не съ Франціей, а съ честолюбивымъ императоромъ, что не намѣренъ предписывать странѣ ни унижительнаго мира, ни какого либо правительства; онъ обѣщалъ столицѣ самыя легкія условія, если она будетъ покойна, не размѣщать солдатъ по частнымъ квартирамъ, согласился ввѣрить полицейскій надзоръ національной гвардіи и потребовалъ только съѣстныхъ припасовъ для арміи. Онъ спросилъ, гдѣ находится Таллейранъ, и поручилъ графу Нессельроде уговорить его остаться въ Парижѣ и увѣрить въ расположеніи къ нему государей.

Когда депутація была уже пущена, прибылъ Коленкуръ; онъ съ трудомъ получилъ доступъ къ Александру. Императоръ принялъ его не менѣе ласково, повторилъ обѣщанія, данныя депутаціи, но объявилъ, что договариваться съ Наполеономъ не можетъ, хотя признаетъ тотчасъ новое правительство, которое пожелаетъ имѣть у себя Франція. Ко всѣмъ доводамъ Коленкура объ опасности революціи, о законности настоящей династіи, объ отчаяніи, которую возбудитъ низложеніе ея въ арміи, Александръ оставался равнодушенъ; онъ сказалъ даже, что

хотя и ожидаетъ какого либо отчаяннаго удара, который можетъ заставитьъ союзниковъ выйти изъ Парижа, но это будетъ для того, чтобы вступить въ него снова. Государь еще разъ выразилъ личное расположеніе свое къ Коленкуру и приглашалъ его явиться къ себѣ въ Парижъ. Великая минута наступала: онъ хотѣлъ не сжечь Парижъ, а войти въ него.

Въ четвергъ, 31 марта 1814 года, Александръ имѣлъ торжественный вѣздъ въ столицу Франціи. Мы говоримъ: Александръ, потому, что ему принадлежала главная роль въ этомъ торжествѣ. Австрійскій императоръ оставался въ Дижонѣ и еще ничего не зналъ о взятіи Парижа. Кастльре не присутствовалъ при этой церемоніи: онъ поѣхалъ въ Лондонъ сообщить о причинахъ шомонскаго договора англійскому народу, который всегда и во всемъ привыкъ требовать отчета отъ своихъ министровъ. Итакъ, русскій Царь, съ бѣлымъ шарфомъ на рукѣ, имѣя по правую сторону короля прусскаго, по лѣвую князя Шварценберга, окруженный безчисленной и блестящей свитой, во главѣ 50,000 отборнаго, великолѣпнаго войска, вѣхалъ въ Парижъ, чрезъ Сень-Мартенское предмѣстье, и слѣдовалъ къ Сень-Денискому бульвару. Начало вѣзда было грустно и базмолвно. Простой народъ молча смотрѣлъ на великолѣпное шествіе, буржуазія была нѣсколько оживленнѣе; только дворянство, забывъ патріотизмъ и любовь къ странѣ, во имя ненависти къ революціи, носило по Сень-Жерменскому предмѣстью бѣлую орифламу и оглашало воздухъ криками во славу короля, тщетно ожидая изъ толпы отвѣта на нихъ: народъ молчалъ. Не раздалось ни одного крика, не было произнесено ни одного оскорбленія. На бульварѣ, впрочемъ, стали слышаться голоса, подоспѣли съ восклицаніями роялисты, самъ народъ сталъ привѣтливѣе. Блестящія женщины первыя выказали знаки оваціи: онѣ радостно замахали платками Государю и его великолѣпному кортежу. «Что дѣлать! это всегда и вездѣ было такъ,» говоритъ Тьеръ. Великолѣпный смотръ на Елисейскихъ поляхъ заключилъ военное торжество дня.

Между тѣмъ, Нессельроде отправился во Флорантенскую улицу, къ Таллейрану, какъ къ человѣку, которому общественное мнѣніе назначало первую роль въ наступавшихъ обстоятельствахъ. Во время этого перваго разговора въ знаменитомъ отелѣ, получена была отъ Императора Александра записка, которую передали Царю на Елисейскихъ поляхъ, о томъ, что подѣ

Элизе-Бурбонъ, который онъ изъ скромности предпочелъ Тюльери, подведены мины (!). Таллейранъ улыбнулся на это и пригласилъ Государя переѣхать въ свой отель. Когда Императоръ со смотра прибылъ къ знаменитому дипломату, то засталъ тамъ цѣлый дворъ роялистской партіи, увеличивавшейся съ каждымъ часомъ. Александръ былъ ласковъ и любезенъ со всѣми. Потомъ онъ заперся съ Таллейраномъ, чтобы переговорить обо всемъ необходимомъ, пригласивъ на совѣтъ короля прусскаго и Шварценберга, а по просьбѣ Таллейрана и герцога Дальберга. На этомъ совѣтѣ Александръ объявилъ намѣренія и планы коалиціи, которые мы приводили выше, сказалъ, что союзники не намѣрены противиться желаніямъ Франціи, какое бы правительство она ни захотѣла: регентство ли Маріи-Луизы, принца ли Бернадота, даже республику или Бурбоновъ, но только, чтобы новое правительство представило гарантію своей прочности, чтобы не пришлось снова приниматься за дѣло всеобщаго успокоенія. На эти предложенія долженъ былъ отвѣчать Таллейранъ отъ лица всей Франціи. Разумѣется, что онъ высказался въ пользу Бурбоновъ. Онъ говорилъ такъ, какъ никто не умѣлъ говорить, кромѣ его: вкрадываясь, вывѣдывая чувства присутствующихъ и не отступая отъ своихъ стремленій. Онъ доказывалъ, что Наполеонъ, поднятый побѣдами, долженъ былъ и держаться побѣдами; разъ побѣжденный, онъ становился развѣнчаннымъ. Онъ болѣе не нуженъ былъ настоящимъ поколѣніямъ, оказавъ имъ такія услуги и заставивъ заплатить за нихъ такъ дорого. Франція не хотѣла ни деспотизма, ни войны, а безъ нихъ Наполеонъ былъ невозможенъ. Она не въ правѣ согласиться на миръ: миръ, подписанный имъ, не можетъ быть прочнымъ. Что касается до республики, то страна, видѣвшая 1798 годъ и еще хорошо его помнившая, не желала повторенія ужасовъ, отъ которыхъ спасена была Бонапартомъ. Регентство Маріи-Луизы могло быть только номинальнымъ: это было бы то же правительство Наполеона, со всѣми его неудобствами. Сама Австрія, которой ближе всего была подобная комбинація, не желала и опасалась ея. Франція не согласилась бы признать и Бернадота, талантливаго солдата, послѣ того, какъ отказалась отъ гениальнѣйшаго. Оставались Бурбоны. Правда, что народъ, а въ особенности армія забыли, не знали ихъ; но ихъ можно было примирять, связать мудрыми законами, особенно,

если они, наученные горькимъ опытомъ, откажутся отъ своихъ предразсудковъ и примутъ здоровыя стремленія вѣка. Потому Таллейранъ совѣтовалъ выслушать и другихъ людей, раздѣлявшихъ, впрочемъ, его убѣжденія. Приглашены были аббатъ Прадтъ, архіепископъ Малинскій, баронъ Луи, генералъ Десаль, бывшій начальникъ штаба — Моро. Они были вполне согласны съ мнѣніемъ Таллейрана. Партія Бурбоновъ стала бы еще сильнѣе, если бы не отсутствіе императора Франца, представителя тѣхъ же принциповъ, и лорда Кастльре, ревностнаго приверженца тори.

Для объявленія о низверженіи Наполеона, по предложенію Таллейрана, избранъ былъ сенатъ; но, чтобы онъ не остановился предъ такимъ важнымъ рѣшеніемъ, положено было объявить прокламаціей къ народу, что союзники, занявъ Парижъ, отвергаютъ всякіе переговоры съ Бонапартомъ или съ членами его семейства, что они намѣрены сдѣлать Франціи уступки, на которыя не согласились съ Наполеономъ, и что готовы признать правительство, которое изберетъ себѣ народъ, а въ настоящее время приглашаютъ сенатъ учредить временное правительство, для составленія конституціи. Журналисты и редакторы получили приказаніе дѣйствовать въ пользу желаній коалиціи. Сакенъ назначенъ былъ губернаторомъ Парижа.

Сенатъ, работавшій передъ Наполеономъ, оказался такимъ же передъ Таллейраномъ. Только нѣкоторые изъ сенаторовъ, воспитанные въ школѣ Сіейса и составлявшіе при Наполеонѣ хотя пассивную оппозицію, спросили: не побѣжденными ли приведутъ ихъ къ Бурбонамъ и неужели забудутъ все то, что выработано во Франціи революціей? Имъ отвѣчали, что старая династія призвана будетъ не иначе, какъ на условіяхъ широкой конституціи, и что сенатъ немедленно займется ея составленіемъ. Какъ «вице-президентъ сената», Таллейранъ назначилъ собраніе его на 1 апрѣля, чтобы избрать временное правительство. Таллейранъ открылъ засѣданіе плохую рѣчью, составленною Прадтомъ. Онъ говорилъ, съ видомъ всегдашней своей безопасности, о помощи, которую призваны они подать «оставленному» народу, о необходимости назначить временное правительство, которое бы приняло управленіе страной въ свои руки. Сенаторы молчали; но приверженцы либеральной партіи заявили, что назначеніе новаго правительства должно состоять

не только въ управленіи странюю, но и въ составленіи конституціи на принципахъ, выработанныхъ революціей. Одинъ изъ членовъ сказалъ, что сенатъ и законодательный корпусъ должны быть главными политическими органами будущей конституціи. На предложеніе это послѣдовало согласіе, и тотчасъ назначены были члены временнаго правительства. Они уже впередъ были избраны въ отелѣ Флорантенской улицы. Къ Таллейрану, назначенному главою правительства, присоединены были четыре помощника, выбранные изъ представителей всѣхъ партій, доброе согласіе съ которыми сохранить было необходимо.

Но подобное правительство могло быть только номинальнымъ и не могло взяться немедленно за прерванные дѣла по всѣмъ отраслямъ управленія; особенная надобность чувствовалась въ назначеніи министра финансовъ, чтобы достать денегъ и залечить раны, нанесенныя странѣ въ послѣдніе годы имперіи, и министра военнаго, чтобы отстранить армию отъ императора. Мѣсто перваго удачно занялъ баронъ Луи, мѣсто втораго—генераль Дюпонъ, выборъ далеко не счастливый. Такимъ образомъ, организовано было правительство, съ которымъ можно было вступить въ сношенія. Роялистамъ этого было недостаточно: они требовали немедленнаго провозглашенія единственнымъ законнымъ королемъ Людовика XVIII, не перестававшаго, по ихъ мнѣнію, царствовать со времени смерти злополучнаго Людовика XVII. Одинъ изъ нихъ, членъ муниципальнаго совѣта, Белларъ, составилъ адресъ отъ городскихъ властей къ Парижанамъ, въ которомъ онъ язвительно исчислялъ преступленія Наполеона и предлагалъ его низверженіе и призваніе законной династіи. Адресъ былъ принятъ, подписанъ единодушно и вечеромъ 1 апрѣля приклеенъ къ стѣнамъ города; но Таллейранъ отказался помѣстить его въ столбцахъ «Монитера», находя это несвоевременнымъ. Попытки роялистовъ получить такой же успѣхъ среди національной гвардіи, считавшей въ рядахъ своихъ многихъ просвѣщенныхъ людей и искреннихъ патріотовъ, не удались. Она была недовольна Наполеономъ, негодовала на удаленіе регентши, но не забывала присутствія враговъ среди столицы и отказалась надѣть бѣлую кокарду.

Упомянувъ, какъ Витроль попался въ руки Наполеона и какъ счастливо вырвался изъ нихъ подъ покровительствомъ барона Вессенберга, мы не сказали о томъ, какъ онъ исполнилъ свое

порученіе въ Лотарингіи. Въ Нанси онъ съ трудомъ отыскалъ графа Артуа, все еще продолжавшаго скрыватья, и обрадовалъ его вѣстями, которыя еще болѣе подтверждены были взятіемъ Парижа. Графъ Артуа не помнилъ себя отъ радости и безъ сопротивленія готовъ былъ согласиться на все. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, что, въ своей веселой молодости, хорошо зналъ епископа отенскаго, который былъ товарищемъ его походовъ, несмотря на свою священнослужительскую одежду. Правда, принцъ раскаялся въ грѣхахъ молодости, а Таллейранъ и не думалъ о томъ; но воспоминаніе объ епископѣ, тѣмъ не менѣе, служило связью съ нимъ въ настоящее время. Витроль рекомендовалъ ему называть Таллейрана не иначе, какъ княземъ Беневентскимъ, напоминая, что онъ великій сановникъ и президентъ сената, оставившій духовное званіе и женатый. Принцъ постоянно сбивался и называлъ его то епископомъ, то княземъ. Эта черта была характеристическою въ графѣ Артуа, и потому мы приводимъ ее. Она доказываетъ его несчастную память, ничего не забывшую, ничего не приобрѣтшую, которая еще два раза должна была погубить его династію. Принцъ соглашался окружить себя людьми, возвышенными имперіей, и требовалъ немедленнаго вступленія въ Парижъ и признанія его намѣстникомъ королевства, какъ представителя брата, находившагося въ Англіи.

Съ подобнымъ порученіемъ прибылъ Витроль къ Таллейрану и весьма удивился, что никто не занимается его принцемъ и не говоритъ о счастіи броситься въ объятія графа Артуа. Но дѣлать было нечего: надо было повиноваться Таллейрану, съ насмѣшливою беззаботностію и невозмутимымъ хладнокровіемъ со-вѣтовавшему терпѣніе. 2-го апрѣля объявлено было о низложеніи Наполеона. Таллейранъ обратился, для совершенія этого дѣла, къ старой оппозиціи сената, къ которой, впрочемъ, самъ никогда не принадлежалъ, несмотря на разрывъ свой съ императоромъ. Одному изъ честнѣйшихъ членовъ этой оппозиціи, Ламбрехту, поручено было составить актъ о низложеніи императора и объявить о причинахъ подобнаго рѣшенія, заключавшихся въ томъ, что Наполеонъ нарушилъ всѣ законы, во имя которыхъ былъ призванъ царствовать: онъ угнеталъ частную и общественную свободу, произвольно заключалъ гражданъ, осудилъ на безмолвіе печать, назначалъ конскрипціи и вѣсилъ по-

дати безъ соблюденія законныхъ формъ, проливалъ французскую кровь въ безумныхъ и бесполезныхъ войнахъ, покрылъ Европу трупами, завалилъ все дороги французскими ранеными, наконецъ простеръ свое самовластіе до того, что назначилъ, въ январѣ, подать безъ согласія законодательнаго корпуса и произвольно уничтожилъ рѣшеніе антверпенскаго суда. Сенатъ забылъ, что самъ вотировалъ единодушно все предложенія императора и ни разу не заявилъ готовности противиться его самовластію.

Рѣшеніе этого дѣла не могло ни уничтожить различныхъ опасеній, ни разсѣять страха, возбуждаемаго присутствіемъ Наполеона въ Фонтенбло съ преданной ему арміей, къ которой присоединились корпуса, защищавшіе Парижъ, и могли легко присоединиться Ожеро, стоявшій въ Лионѣ, Сульть и Сюше изъ южной Франціи, принцъ Евгений изъ Италіи. Самое вѣрное средство лишить Наполеона возможности снова схватить корону, которую у него отнимали, былъ заговоръ, возмущеніе въ арміи, подобное тому, какое случилось въ сенатѣ. Можно было надѣяться, что и въ ней найдется значительное число недовольныхъ, усталыхъ, желавшихъ отдохновенія и спокойствія и видѣвшихъ невозможность всего этого при безпокойномъ императорѣ. Заключеніе мира, прекращеніе безконечной войны стали желательны въ арміи особенно съ тѣхъ поръ, какъ маршалы и генералы видѣли истощеніе средствъ императора для ихъ награжденія; къ этимъ корыстнымъ расчетамъ присоединились и личныя неудовольствія противъ Наполеона за его выговоры, деспотическое обращеніе, рѣзкія слова.

Изъ маршаловъ на первомъ планѣ, вслѣдствіе послѣднихъ обстоятельствъ, стоялъ Мармонъ. Его меньше другихъ можно было подозрѣвать способнымъ на измѣну; но Таллейранъ, такъ хорошо знавшій слабыя стороны человѣческаго сердца, именно на него обратилъ свое вниманіе, и мы уже сказали, какъ ловко приступилъ онъ къ дѣлу, во время свиданія съ нимъ предъ занятіемъ Парижа союзниками. Наполеонъ не очень уважалъ самонадѣяннаго маршала, не отличавшагося обширнымъ умомъ и желавшаго играть первую роль, когда онъ не всегда былъ способенъ и для второй, не умѣвшаго повелѣвать и повиноваться. Впрочемъ, императоръ пощадилъ его за ошибку, сдѣланную имъ подъ Краономъ, и не высказалъ ему всего, что привыкъ

высказывать въ подобномъ случаѣ; тѣмъ не менѣе, маршалъ былъ сильно не доволенъ. Все это было оцѣнено Таллейраномъ, особенно искусно дѣйствовавшимъ на людское тщеславіе; защита Парижа, вся слава которой безраздѣльно пала на голову Мармона, хотя въ такой же степени принадлежала и Мортье, еще болѣе помогла ему привлечь маршала. Расположеніе Мармона было тѣмъ необходимѣе, что, въ настоящую минуту, онъ стоялъ ближе другихъ къ Парижу и на Эссонѣ прикрывалъ соединеніе прочихъ корпусовъ арміи. Къ нему отправленъ былъ для переговоровъ бывший его адъютантъ Монтессюи, тѣмъ болѣе полезный, что лучше всякаго другаго зналъ слабости своего прежняго начальника. Чтобы придать больше вѣса переговорамъ, на лѣвый берегъ Сены переведена была часть союзныхъ войскъ, вмѣстѣ со штабомъ Шварценберга. Такіе же посланные отправлены были къ Удино и къ другимъ важнымъ лицамъ арміи; Бернонвиль написалъ письмо къ другу своему Макдональду. Они должны были говорить въ войскахъ, что надобно служить странѣ, а не лицу, что Наполеонъ погубилъ Францію, что союзники не хотятъ договариваться съ нимъ, но готовы сдѣлать уступки всякому другому, что необходимо присоединиться къ новому правительству столько же ради спасенія Франціи, сколько и для личной пользы, потому что призываемая на престолъ династія, разумѣется, не забудетъ услугъ, ими оказанныхъ, и запомнить имена тѣхъ, которые первые перешли на ея сторону.

Между тѣмъ, въ Парижѣ, приверженцы Бурбоновъ не могли быть покойны, пока изъ города не выѣдетъ Коленкуръ, и интриговали всѣми силами, чтобы удалить его. О регентствѣ Маріи-Луизы никто не хотѣлъ и слышать.

Не найдя нигдѣ симпатіи и встрѣчая всюду измѣну, Коленкуръ, предъ отъѣздомъ изъ Парижа, хотѣлъ видѣть еще разъ русскаго Царя, чтобы похлопотать о личности Наполеона и объ ея неприкосновенности. Александръ принялъ его особенно ласково, но посовѣтовалъ ему ѣхать въ Фонтенбло уговорить императора на послѣднюю великую жертву. «Поѣзжайте—говорилъ онъ—потому что мнѣ не дадутъ покоя просьбами о вашемъ удаленіи: мнѣ говорятъ, что ваше присутствіе здѣсь заставляетъ всѣхъ опасаться, чтобы я снова не обратился къ Наполеону. Я принужденъ бы былъ отослать васъ, потому что ни я,

ни мои союзники не желаемъ такихъ подозрѣній. Повѣрьте мнѣ, я ничего не имѣю противъ васъ. Наполеонъ несчастливъ, и съ этой минуты я прощаю ему все зло, сдѣланное Россіи. Но Франція и Европа желаютъ успокоенія, котораго съ нимъ имѣть не могутъ. Пусть требуетъ онъ чего хочетъ для себя: все будетъ предоставлено ему. Если онъ пожелаетъ принять руку, которую я ему протягиваю, пусть онъ пріѣдетъ въ мое государство: въ немъ встрѣтитъ онъ радушное гостепріимство. Мы представимъ міру необыкновенный примѣръ: я—предложивъ ему убѣжище, онъ—принявъ его. Но другаго условія для переговоровъ, кромѣ его отреченія, быть не можетъ. Итакъ, поѣзжайте и возвращайтесь скорѣе съ полномочіемъ начать переговоры на такомъ основаніи.» На вопросъ Коленкура, спасетъ ли Наполеонъ своимъ отреченіемъ престолъ для своего сына, Александръ отвѣчалъ уклончиво, объявивъ, впрочемъ, что дѣло о призваніи Бурбоновъ вовсе не рѣшено окончательно, хотя всѣ желаютъ ихъ; онъ выказалъ прежнюю холодность къ нимъ и совѣтовалъ заняться исключительно личностію Наполеона.

— Не можетъ ли императоръ надѣяться получить, въ замѣнъ Франціи, Тоскану?

— Тоскану! отвѣчалъ Царь. Хотя это и немного въ сравненіи съ Французской имперіей, но неужели вы думаете, что союзники оставятъ его на континентѣ, а Австрія согласится на его присутствіе въ Италіи? Это невозможно.

— Такъ Парму, Лукку?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Императоръ:—ничего на континентѣ... островъ—да.... можетъ быть, Корсику....

— Но Корсика принадлежитъ Франціи, и Наполеонъ не захочетъ принять ея.

— Ну, такъ Эльбу, прибавилъ Александръ.—Но поѣзжайте, уговорите вашего государя, и мы увидимъ. Все, что будетъ возможно и честно, будетъ сдѣлано. Я не забылъ, чего заслуживаетъ такой великій и такой несчастный человекъ.

Коленкуръ отправился въ тотъ же день въ Фонтенбло, убѣжденный, что для Наполеона, кромѣ меча, нѣтъ другаго спасенія. Онъ рѣшился ничего не скрывать отъ своего императора. Въ тотъ же вечеръ, въ Парижѣ объявлено было о нѣзложеніи Наполеона.

Между тѣмъ, въ Фонтенбло, въ гениальной головѣ императора созрѣвалъ планъ, грозный по своимъ послѣдствіямъ, еслибъ онъ былъ приведенъ въ исполненіе. На Эссону сходились корпуса Французской арміи, готовые броситься на Парижъ по приказанію Наполеона. Расположеніе въ столицѣ и ея окрестностяхъ союзниковъ, раздѣленныхъ на три отдѣльныя части, послужило бы имъ гибелью, еслибъ Наполеонъ бросился съ 70,000 на стоявшую предъ нимъ 80,000 армію Шварценберга и разбилъ ее. Онъ погнался бы за ней въ Парижъ и, при содѣйствіи народа, устроилъ бы такую бойню, въ которой погубилъ бы коалицію; союзникамъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ отступить за Рейнъ, среди поднявшагося населенія Бургундіи, Шампани и Лотарингіи. Наполеонъ дѣлалъ каждый день смотръ приходившимъ войскамъ и, не объясняя имъ ничего, позволялъ догадываться объ отищеніи, которое готовилъ непріятелю. Къ громкимъ, обыкновеннымъ восклицаніямъ: *Vive l'Empereur!* войска постоянно прибавляли, *à Paris! à Paris!* Разумѣется, что это увлеченіе было только въ низшихъ рядахъ арміи, проникнутыхъ энтузіазмомъ къ необыкновенному полководцу; высшіе ряды ея, маршалы, генералы и штабы ихъ, молчали.

При такихъ обстоятельствахъ возвратился въ Фонтенбло Коленкуръ. Наполеонъ многое уже зналъ о томъ, что дѣлалось въ Парижѣ, какъ, напримѣръ, объ учрежденіи временнаго правительства, о своемъ низложеніи, о попыткахъ низвергнуть его статую съ Вандомской колонны; объ остальномъ онъ догадывался. Онъ выслушалъ хладнокровно и спокойно все, что говорилъ Коленкуръ, и отвѣчалъ: «Правда, что я самъ заслужилъ все это. Я не хотѣлъ статуй, потому что зналъ, что онѣ прочны только тогда, когда ставятъ ихъ потомство. Меня ничто не удивляетъ въ вашемъ разказѣ. Таллейранъ мститъ мнѣ — это понятно. Бурбоны отмстятъ ему за меня. Но всѣ эти люди революціи, наполняющіе сенатъ, между которыми столько царубійцъ, какъ они рѣшились броситься въ объятія иностранцевъ, которые завтра выдадутъ ихъ Бурбонамъ? Что касается до союзныхъ государей, то они ведутъ себя недостойно относительно меня. Я могъ низложить Франца и Вильгельма, я могъ много вредить Александру, но не сдѣлалъ этого. Я велъ себя какъ государь, они ведутъ себя какъ якобинцы. Лучшій изъ нихъ — Александръ. Онъ отмстилъ за себя; къ тому же онъ очень

добръ, несмотря на свою уклончюсть. Австрійцы все тѣ же, какими я зналъ ихъ: низкопоклонные въ несчастіи, высокоотърные при удачѣ. Они почти заставили меня взять дочь ихъ, а теперь отказываются отъ нея. Англичане и Пруссаки хотѣли бы уничтоженія Франціи. Меня удаляютъ потому, что увѣрены, что я одинъ могу спасти Францію. Повѣрьте, я могу обойтись безъ престола. Рожденный солдатомъ, я могу быть гражданиномъ. Вы знаете меня: что мнѣ нужно? немного хлѣба, пока я живъ, три шага земли, когда я умру. Правда, я люблю славу; но вѣдь она безопасна отъ рукъ человѣческихъ. Если я желаю начальствовать еще нѣсколько дней, то для того, чтобы поднять славу нашего оружія и вырвать Францію изъ рукъ ея враговъ. Вы хорошо сдѣлали, что не подписали никакихъ условій: я не призналъ бы ихъ. Бурбоны могутъ подписываться подъ ними и принять Францію такую, какою ее сдѣлали; но я не могу. Къ тому же, еще не все погибло. Если бы у меня была, въ настоящую минуту, армія, то я бросился бы на непріятеля въ его безвыходномъ положеніи, и въ два часа было бы все кончено. Послѣзавтра придутъ Макдональдъ, Удино и Жераръ, и, если за мной послѣдуютъ, я измѣню положеніе дѣлъ. Если усталые начальники армій отстанутъ, масса пойдетъ за мной, гвардія подастъ примѣръ прочимъ войскамъ.»

Но мы уже сказали, что увлеченіе солдатъ, энтузіазмъ къ Наполеону, желаніе идти за нимъ въ Парижъ далеко не раздѣляли генералы, вовсе не желавшіе подвергать столицу Франціи участи Москвы. Эмиссары Таллейрана работали въ штабахъ въ пользу отпаденія отъ Наполеона, и когда большая часть армій готова была умереть за императора, ея начальники составляли заговоръ противъ него. 4-го числа Наполеонъ рѣшился объявить войскамъ свои намѣренія.

Послѣ смотра, онъ вошелъ въ ряды гвардіи. Лицо его горѣло, въ глазахъ блистала пламень генія. Онъ произнесъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія: «Солдаты, непріятель, скрывши отъ насъ три марша, овладѣлъ Парижемъ. Нужно его выгнать оттуда. Недостойные Французы, эмигранты, которыхъ мы имѣли слабость простить, соединились съ чужеземцами и надѣли бѣлую кокарду. Поклянемся побѣдить или умереть, но отмстить за оскорбленіе, нанесенное отечеству и нашему оружію». — «Клянемся!» отвѣчали старые усачи и внесли во всю армію увлече-

ніе, энтузіамзъ и готовность умереть за человѣка, который какимъ-то волшебствомъ умѣлъ ихъ приковывать къ себѣ.

Послѣ этой сцены, Наполеонъ возвратился къ себѣ, окруженный генералами и офицерами совершенно противоположныхъ убѣжденій. Они рѣшились положить предѣлъ всеобщему гнету и удержать императора отъ его намѣреній; но никто не осмѣливался говорить первый. Между тѣмъ, прибылъ и Макдональдъ, только что получившій письмо отъ Бернонвиля, въ которомъ тотъ, во имя дружбы, заклиналъ его оставить знамена ужаснаго человѣка, спасти отъ гибели свое семейство, которое маршалъ чрезвычайно любилъ и которое находилось, въ это время, въ Парижѣ, и пристать къ прочимъ маршаламъ, готовымъ сдѣлать то же самое. Макдональдъ общалъ и послѣдовалъ за товарищами, шедшими, въ это время, во дворецъ объясниться съ Наполеономъ. Сѣни были заняты офицерами, чтобы можно было подать маршаламъ помощь, если бы императоръ вздумалъ арестовать ихъ. Рѣшено было, въ случаѣ надобности, покончить дѣло смертью императора.

Маршалы вошли. Это были: Лефевръ, Удино, Ней. У Наполеона были Бертъе, Маре, Коленкуръ и еще нѣсколько лицъ. Онъ только что снялъ шляпу и шпагу и скорыми шагами ходилъ по комнатѣ. Никто изъ маршаловъ не рѣшался начать разговора. Наполеонъ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло: онъ спросилъ ихъ, не получили ли они чего новаго изъ Парижа. Они объяснили свои опасенія и желаніе положить конецъ всѣмъ бѣдствіямъ. На это императоръ развилъ имъ свой планъ раздавить коалицію въ самомъ Парижѣ. Маршалы молчали. Тогда Наполеонъ спросилъ ихъ: желаютъ ли они жить подъ управленіемъ Бурбоновъ. Они громко высказали, что желаютъ короля римскаго. Объясненіе императора, что регентство невозможно, что оно не удержится и двухъ недѣль, что это одна уловка союзниковъ, для перехода къ Бурбонамъ, не произвело никакого дѣйствія на маршаловъ: они молча выслушали слова его объ отреченіи, какъ бы давая этимъ знать о своихъ тайныхъ желаніяхъ. Вошелъ Макдональдъ, взволнованный всѣмъ, что узналъ, держа въ рукахъ письмо Бернонвиля. Герцогу Басано приказалъ Наполеонъ прочесть письмо, исполненное рѣзкихъ выраженій противъ императора. Наполеонъ, сдерживая свое негодованіе, повторялъ, что это обманъ, что Бурбоны не

спасутъ, а погубятъ Францію, между тѣмъ, какъ въ два часа можно поправить все, ударивъ на непріятеля. Макдональдъ возразилъ: «это возможно только обративъ въ пепель столицу и погубивъ въ ней нашихъ дѣтей; къ тому же—прибавилъ онъ—нельзя надѣяться на повиновеніе солдатъ». Наполеонъ гордо отвѣчалъ: «Если солдаты не послушаются васъ, то послушаютъ меня. Мнѣ стоитъ сказать одно слово, чтобы повести ихъ, куда мнѣ угодно. Потомъ онъ прибавилъ повелительно: «ступайте, господа, я подумаю и сообщу вамъ мое рѣшеніе».

Оставшись одинъ, Наполеонъ задумался. Онъ взвѣсилъ все, что ему высказали, и понялъ, что его покидали. Онъ рѣшился отречься отъ престола въ пользу сына и вмѣстѣ съ Коленкурромъ послать недовольныхъ маршаловъ въ Парижъ предложить переговоры на этомъ основаніи.

Въ Парижъ назначены были Макдональдъ и Ней. Императоръ просилъ Коленкура слѣдить за Неемъ, который, по словамъ его, былъ ребенокъ и легко могъ погибнуть въ рукахъ Таллейрана. Потомъ онъ призвалъ маршаловъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола въ пользу своего сына. Генералы были въ восторгѣ и горячо пожимали руку императора, рѣшившагося на самый великій, по ихъ словамъ, подвигъ. «Теперь я могу, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что вы не оставите моего сына и станете честно защищать его дѣло?» спросилъ императоръ. Маршалы дали обѣщаніе. Потомъ Наполеонъ объяснилъ имъ, что онъ имѣлъ въ виду послать и Мармона, но важность эссонской позиціи удержала его. «Впрочемъ—прибавилъ онъ—проѣзжая, вы можете спросить, не считаетъ ли онъ необходимымъ отправиться вмѣстѣ съ вами: тогда онъ передастъ старшему послѣ себя генералу начальство надъ эссонской линіей.» Послѣ этого Наполеонъ прочиталъ имъ актъ своего отреченія: «Союзныя государства объявили, что единственная помѣха для заключенія европейскаго мира—императоръ Наполеонъ: императоръ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что онъ готовъ сойти съ престола, оставить Францію и отдать даже жизнь для счастья отечества, связаннаго съ правами его сына, регентствомъ императрицы и законами имперіи». Прежде чѣмъ подписать его, Наполеонъ взглянулъ на окружавшихъ его, задумался и произнесъ: «а, между тѣмъ, мы разбили бы ихъ, если бы хотѣли!» Маршалы опустили голову, Наполеонъ подписалъ свое имя.

Посольство заѣхало по дорогѣ къ Мармону. Герцогъ Рагузскій, къ удивленію, былъ холоденъ, сухъ и не показывалъ желанія сопровождать пословъ. Несчастнѣйшій уже попалъ въ разставленныя ему сѣти. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что солдатъ не перестаетъ быть гражданиномъ. Если онъ проливаетъ свою кровь за родину, то имѣетъ право принимать участіе въ ея судьбѣ. Оправдать Мармона невозможно. Убѣдившись въ несостоятельности намѣреній Наполеона, ему слѣдовало отправиться къ императору — уговорить его, во имя любви къ Франціи, уступить ее старой династіи, какъ единственно-возможной для заключенія мира, и если бы тотъ остался глухъ къ его доводамъ, то отдать ему свою шпагу и оставить важный постъ, который занималъ онъ, потомъ явиться къ временному правительству и предложить ему свои услуги. Но передать непріятелю эссонскую позицію значило измѣнить чести и долгу. Исторія не иначе будетъ смотрѣть на этотъ поступокъ герцога Рагузскаго. Дѣло въ томъ, что, поддавшись на лъстивыя рѣчи Таллейрана, обѣщавшаго ему первое мѣсто въ арміи, какое самъ Таллейранъ занималъ въ политикѣ, Мармонъ уже заключилъ конвенцію, въ силу которой маршалъ обязывался перейти, со своими корпусами, на службу временнаго правительства, оставить эссонскую позицію и удалиться въ Нормандію. Разговоръ съ Коленкурромъ, Неемъ и Макдональдомъ пробудилъ въ немъ голосъ совѣсти: онъ сознался во всемъ и готовъ былъ скакать въ Фонтенбло, чтобы броситься къ ногамъ императора и все объявить ему. Макдональдъ совѣтовалъ ему воспользоваться отреченіемъ Наполеона и взять назадъ свое обѣщаніе, такъ какъ обстоятельства измѣнились совершенно и главное препятствіе для всеобщаго успокоенія отстранено; но обязательство было уже обнародовано, за его подписью.

Ужась распространился между членами временнаго правительства, когда узнали пѣль посольства. Самъ Таллейранъ задумался, не отступить ли назадъ, и задержалъ уже готовое, любезное письмо къ графу Артуа, приглашавшее его въ столицу предковъ, и которое онъ намѣревался передать докучливому Витролю. Прежде всего нужно было ему еще разъ доказать это Императору Александру, что Наполеонъ невозможенъ, потому что онъ—война, что Марія-Луиза значитъ тотъ же Наполеонъ, что призваніе Бернадота нелѣпо, что возможны одни Бурбоны, для

возстановленія которыхъ было сдѣлано уже столько шаговъ, и столько лицъ, ввѣрившихся великодушію Императора, окомпрометировано въ глазахъ Наполеона. Царь встрѣтилъ посольство чрезвычайно ласково и объявилъ, что союзники вовсе не имѣютъ намѣренія предписывать какое бы то ни было правительство Франціи и требуютъ только, чтобы оно было прочно и представляло бы гарантіи для всеобщаго успокоенія, что они не имѣютъ никакого предрасположенія къ Бурбонамъ; пусть маршалы изберутъ изъ среды себя достойнаго, и они тотчасъ признаютъ его, и проч. Ней первый отвѣчалъ на рѣчь русскаго Императора. Смыслъ его словъ главнымъ образомъ заключался въ томъ, что они сами желаютъ устраненія войнолюбиваго Наполеона отъ трона, потому что не менѣе другихъ имѣютъ причинъ быть недовольны челомъкомъ, усѣявшимъ костями ихъ товарищей всю Европу, но что изъ всѣхъ лицъ, выведенныхъ войною на первый планъ, никто не имѣетъ права претендовать на французскій престолъ, что если дѣло идетъ о шведскомъ принцѣ, то Франція встрѣтитъ съ негодованіемъ кандидатуру чловека, обогрившаго свои руки во французской крови, и что единственный возможный выборъ — это римскій король, подъ регентствомъ своей матери. Ней поддерживалъ Макдональдъ. Оба высказали рѣзко нерасположеніе къ Бурбонамъ, не знавшимъ Франціи и забытымъ ею. Александръ возразилъ, что призваніе Бурбоновъ есть всеобщее желаніе Французовъ, и что недавніе акты сената ясно доказали это, ибо люди революціи и имперіи не задумываясь вотировали низложеніе Наполеона. При первомъ словѣ о сенатѣ, Ней не могъ сдержать своего гнѣва. «По какому праву — вскричалъ маршалъ — смѣетъ возвышать голосъ этотъ ничтожный сенатъ, который могъ бы избавить насъ отъ столько бѣдствій, если бы оказалъ хотя какое нибудь сопротивленіе страсти Наполеона къ завоеваніямъ, вмѣсто того, чтобы рабски повиноваться приказаніямъ чловека, котораго теперь называютъ тираномъ? Онъ молчалъ, когда ему слѣдовало говорить: какъ же смѣетъ онъ говорить теперь, когда ему слѣдуетъ молчать? Не ему жаловаться на императорское управленіе, и если, забывъ всякое приличіе, онъ объявляетъ свои претензіи, мы готовы, Ваше Величество, стать предъ нимъ, и вы увидите, достанетъ ли у него низости поднять голосъ въ нашемъ присутствіи.» Александръ былъ взволнованъ и готовъ исполнить желаніе марша-

ловъ; но агентъ Таллейрана, Дессоль, удержалъ его, напоминая, сколько губилъ онъ людей, вѣрившихся его великодушiю. Александръ вѣжливо отпустилъ посольство, общая дать отвѣтъ на другой день, утромъ.

Вышедшимъ маршаламъ казалось, что дѣло римскаго короля не совсѣмъ еще погибло, судя по любезности, съ которой слушалъ ихъ русскiй Царь. Въ передней Таллейрана они встрѣтили цѣлую толпу лицъ, которыхъ привыкли видѣть въ передней Наполеона. Произошло нѣсколько вспышекъ, сказано было нѣсколько рѣзкихъ словъ съ той и другой стороны. Чтобы прекратить эти сцены, Таллейранъ пригласилъ маршаловъ въ покой, занимаемые членами временнаго правительства. «Мы не признаемъ вашего временнаго правительства, и намъ нечего говорить ему», отвѣчалъ Макдональдъ и отправился, вмѣстѣ съ другими, къ Нею ожидать отвѣта Царя.

Въ это время, случилось происшествiе на Эссонѣ, имѣвшее самыя рѣшительныя послѣдствiя. 5 апрѣля, въ 4 часа по полудни, въ то время, когда маршалы находились въ отелѣ Флорантенской улицы, выступилъ 6-й корпусъ въ Версаль. Войска ничего не подозрѣвали и думали, что движенiе это имѣетъ цѣлью сосредоточенiе силъ предъ Парижемъ, либо есть послѣдствiе отреченiя, слухъ о которомъ быстро распространился въ армiи. Но, проходя мимо непрiятелей, которые и не думали становиться въ ружье, солдаты стали подозрѣвать измѣну. Поднялся ропотъ, который увеличивался все болѣе и болѣе, а по приходѣ въ Версаль обратился въ возмущенiе; тѣмъ не менѣе, линiя Эссоны и третья часть армiи были потеряны для Наполеона. Мармонъ, узнавъ о случившемся въ его отсутствiе, совершенно упалъ духомъ. Онъ считалъ себя погибшимъ и обезчещеннымъ навѣки. Но, вмѣсто того, чтобы спѣшить на свое мѣсто и силой снова занять вѣрненную ему линiю, онъ сѣтовалъ на судьбу и обращался съ жалобами на нее къ своимъ товарищамъ, которые сухо и холодно отвѣчали на нихъ.

Между тѣмъ, Таллейранъ и роялисты продолжали свои интриги въ пользу Бурбоновъ. Александръ былъ слишкомъ мягокъ, чтобы высказать свое мнѣнiе рѣшительно. Къ тому же его удерживала еще возможность отчаяннаго покушенiя со стороны Наполеона, готоваго погубить себя или коалицию подъ развалинами Парижа. Среди новой аудiенци, данной имъ маршаламъ, вдругъ получено было

извѣстіе объ измѣнѣ 6-го корпуса и о переходѣ его на сторону временнаго правительства. Царь оставилъ на нѣкоторое время залу, чтобы переговорить съ окружавшими его лицами, и когда снова вошелъ въ нее, то рѣшительно уже объявилъ, что регентство и король римскій невозможны, что сама армія Наполеона разъединена партіями и значительная часть ея оставила его знамена, что императору остается подчиниться своей участи и вѣряться великодушію союзныхъ государей. Коленкуръ съ Макдональдомъ немедленно отправились въ Фонтенбло, между тѣмъ, какъ Ней былъ задержанъ членами временнаго правительства, расточавшими ему ласки и лесть, отъ которыхъ могла пойти кругомъ и болѣе крѣпкая голова. Мармонъ боялся прочитать въ чьемъ либо взглядѣ дѣйствительную оцѣнку своего поступка, но встрѣтилъ самыя искреннія пожатія и похвалы за рѣшимость, которую онъ выказалъ для спасенія Франціи, и за благодѣтельный примѣръ, который подалъ прочимъ генераламъ. Все это сказано было въ такихъ выраженіяхъ, въ словахъ будущихъ придворныхъ виднѣлась такая положительная надежда на награды, что Мармонъ рѣшительно запутался въ раставленныхъ ему сѣтяхъ.

Его уговорили подтвердить дѣйствительной услугой готовность свою служить новой династіи—ѣхать немедленно въ Версаль и успокоить войска. Мармонъ принялъ порученіе, полетѣлъ въ ряды своего корпуса и безъ труда успѣлъ успокоить его. Способъ, употребленный имъ не отличался особеннымъ благородствомъ. Онъ объявилъ войскамъ, что никогда не водилъ ихъ по пути, противномъ чести, что волненіе, поднятое въ ихъ рядахъ, открываетъ только непріятелю ихъ слабость и погубить ихъ; онъ уговаривалъ войска вернуться къ своимъ мѣстамъ и обѣщалъ возвратиться къ нимъ, какъ только они успокоятся и составятъ снова настоящую армію. Мармонъ не объяснялъ своего поведенія, и солдаты думали, что онъ скрываетъ свои намѣренія, чтобы вѣрнѣе погубить непріятеля. Мармонъ возвратился въ Парижъ, въ отель, его погубившій, съ которымъ онъ уже не могъ разстаться. До послѣдняго своего поступка, герцогъ Рагузскій еще могъ оправдываться своимъ отсутствіемъ, несмотря на конвенцію, заключенную съ Шварценбергомъ; теперь это было невозможно, и молва о томъ, что онъ былъ первымъ изъ маршаловъ, измѣнившихъ Наполеону, справедливо перешла въ потомство.

Ней хотѣлъ вернуться первымъ въ Фонтенбло, чтобы, предупредивъ своихъ товарищей, получить безусловное отреченіе Наполеона и заслужить этимъ вниманіе новаго правительства. Онъ разсказалъ императору, которому уже извѣстна была измѣна 6-го корпуса, все, что случилось въ Парижѣ, и совѣтовалъ ему отреченіе. Наполеонъ выслушалъ его молча и отпустилъ, обѣщавъ дать положительный отвѣтъ на другой день. Слухи, распущенные самимъ Неемъ объ этомъ свиданіи, не имѣютъ никакого основанія. Онъ оклеветалъ самого себя, распространивъ молву о томъ, что грубо обошелся съ императоромъ, высказалъ ему рѣзкія истины и вырвалъ у него безусловное отреченіе. Письмо, посланное имъ въ тотъ же вечеръ князю Бенеventскому, тоже не имѣетъ основанія. По крайней мѣрѣ, Коленкуръ и Макдональдъ, вошедшіе къ императору тотчасъ послѣ Нейя, нашли его совершенно спокойнымъ, чего не могло бы быть послѣ желчной сцены, еслибъ она случилась. Записки Коленкура еще болѣе подтверждаютъ, что Ней не позволилъ себѣ ничего особеннаго. Наполеонъ молчитъ объ этомъ свиданіи въ своихъ мемуарахъ. Коленкуръ и Макдональдъ повторили сущность извѣстій, уже сообщенныхъ императору Неемъ, и почтительно предложили ему тотъ же совѣтъ безусловнаго отреченія. Наполеонъ выслушалъ ихъ покойно и отпустилъ до другаго дня, но тотчасъ воротилъ Коленкура, котораго любилъ и цѣнилъ болѣе другихъ. Всю почти ночь они провели въ бесѣдѣ. Безъ всякой уже желчи жаловался онъ на своихъ маршаловъ, особенно на Мармона, въ котораго такъ вѣрилъ; котораго пожаловалъ маршаломъ и герцогомъ и которому оказалъ столько благодѣяній. Потомъ Наполеонъ говорилъ, что нисколько не заботится о своей участи и что его мучитъ только положеніе Франціи, которую онъ хотѣлъ сдѣлать могущественною и оставляетъ въ такомъ униженіи. Правда, у него оставалось еще 50,000 войска, готоваго умереть по его приказанію, къ нему шли Евгеній, Ожеро, Сультъ, Сюше; но для продолженія войны слѣдовало отступить за Лурару, подвергнуть страну конечному разоренію, имѣя въ перспективѣ надежду встрѣтить примѣры, подобныя поступку Мармона. Онъ рѣшился отречься. Потомъ онъ говорилъ объ участи своего семейства, объ участи арміи и лицъ, ему преданныхъ. Его удивило мнѣніе Коленкура, что союзники не согласятся отдать Тосканы императрицѣ и королю римскому и развѣ согла-

сятся только на Парму. «Какъ!—вскричалъ онъ—взятѣнъ Французской имперіи не согласятся на Тоскану даже! Такъ меня хотятъ заставить вести переговоры еще о денежныхъ дѣлахъ? Но вѣдь это подло! Займитесь моимъ семействомъ, Коленкуръ! Мнѣ ничего не нужно: пусть мнѣ дадутъ пенсіонъ инвалида, и я останусь довольнымъ.» Наполеонъ велѣлъ позвать маршаловъ и сказалъ имъ: «Успокойтесь, господа: не будетъ болѣе пролито крови. Я рѣшаюсь отречься безусловно. Я покоряюсь своей судьбѣ, покоритесь и вы. Рѣшайтесь жить подъ управленіемъ Бурбоновъ и вѣрно служите имъ. Вы желали отдохновенія, и будете имѣть его. Но дай Богъ, чтобы предчувствія обманули меня. Мы не принадлежали къ поколѣнію, созданному для покоя. Миръ, котораго такъ страстно желаете вы, погубить большее число изъ васъ на пуховыхъ постеляхъ, чѣмъ сколько погибло на бивуакахъ». Грустнымъ, но торжественнымъ голосомъ прочелъ онъ свое отреченіе: «Союзныя государства объявили, что императоръ Наполеонъ—единственное препятствіе для заключенія въ Европѣ мира: императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что онъ отказывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, потому что нѣтъ личной жертвы, не исключая и жизни, которой бы онъ не былъ готовъ принести для блага Франціи». Маршалы бросились къ императору благодарить его и повторили сцену, подобную той, какая произошла наканунѣ. Коленкуръ съ Неемъ и Макдональдомъ должны были отправиться въ Парижъ передать Императору Александру актъ отреченія.

Александръ, встрѣчавшій обыкновенно первымъ Коленкура, на этотъ разъ дружески обратился къ Нею, вслѣдствіе письма, о которомъ мы упомянули. Государь былъ любезенъ и очень доволенъ. Онъ сказалъ Нею, что изъ всѣхъ заслугъ его предъ отечествомъ послѣдняя, т. е. энергическое участіе его въ принужденіи Наполеона отказаться отъ престола, самая большая. Отпустивъ маршаловъ, онъ еще долго бесѣдовалъ съ Коленкуромъ о дальнѣйшей судьбѣ семейства Наполеона. Онъ обѣщаль Наполеону Эльбу, несмотря на сопротивленіе, какимъ встрѣтили это обѣщаніе союзники; Маріи-Луизѣ и королю Римскому онъ назначаль Парму, потому что Австрія, получавшая богатыя земли въ Италіи, вѣроятно, не станеть торговаться; наконецъ, всѣмъ

прочимъ членамъ императорскаго семейства обѣщано было все, что только дозволяютъ обстоятельства.

Между тѣмъ, съ одной стороны низложеніе Наполеона сснатовъ, съ другой—его отреченіе развязали всѣмъ языкъ и свободу. Ужасныя вещи стали говорить и печатать объ императорѣ: не было преступленія, въ которомъ не обвиняли бы его, не было гнуснаго названія, позорнаго ругательства, которое бы не упало на него. На этомъ поприщѣ отличился болѣе другихъ Шатобрианъ, до сихъ поръ молчавшій и заговорившій теперь подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ. Наполеонъ, кричали всѣ, не сдѣлалъ ни одной истинно прекрасной кампаніи: это были только удачи; онъ опозлилъ военное искусство, обративъ войну въ какую-то бойню; онъ не имѣлъ талантовъ администратора, ибо управленіе его заключалось въ умѣнїи взять отъ страны послѣдняго солдата и послѣднія деньги. Какое счастье, какая слава для Франціи, повторяли всѣ, что онъ не Французъ а Итальянецъ, не Бонапартъ, а Буонапарте, не Наполеонъ (имя исключительно французское), а Николай! Его называли еретикомъ и атеистомъ, прїятелемъ Монжа и Вольнея; говорили, что онъ билъ маршаловъ, оскорблялъ женщинъ и, какъ простой солдатъ, не отличался особенною храбростію. Статуя его была снята съ Аустерлицкой колонны, и народъ аплодировалъ осиротѣлому пьедесталу. Между тѣмъ, кругомъ союзныхъ государей слышалась одна безконечная лесть, заглушавшая остатокъ патріотическаго чувства Франціи. Съ языка Французовъ не сходилъ разсказъ о московскомъ пожарѣ и о великодушномъ отмщеніи Русскихъ; похвалы расточались предъ Блюхеромъ и Сакеномъ, даже предъ Ланжерономъ за штурмъ Монмартра. Казалось, что нравственное чутье оставило страну, и не было ни одного здороваго мѣста ни въ душѣ, ни на тѣлѣ ея: вчерашній кумиръ топтался въ грязь, изъ сегодняшней грязи лѣпили кумира на завтра.

Наконецъ и голосъ Витроля былъ услышанъ. Таллейранъ посылалъ его къ графу Артуа сообщить племяннику Людовика XVI объ условіяхъ его вѣзда въ столицу и о необходимости подчиниться нѣкоторымъ формальностямъ, вынуждаемымъ обстоятельствами, какъ, на примѣръ, чтобъ онъ вѣхалъ въ Парижъ въ мундирѣ національной гвардіи и съ трехцвѣтной кокардой. Графъ необходимо долженъ признать составляемую

конституцію и не иначе, какъ на такомъ условіи, будетъ объявленъ намѣстникомъ королевства. Бывшій епископъ не забылъ также передать принцу искреннія увѣренія въ своей преданности.

Между тѣмъ, сенатъ изготавилъ конституцію. Мы не станемъ входить ни въ изложеніе, ни въ разборъ ея; мы можемъ только сказать, что, при составленіи ея, народъ вовсе не участвовалъ, а прочность ея доказана царствованіемъ двухъ послѣднихъ Бурбоновъ. 6-го она была вотирована, а 8-го прибита на улицахъ Парижа. Ею не были довольны ни роялисты, ни бонапартисты, ни республиканцы; но обстоятельства были таковы, что она должна была быть принята всѣми. Законодательный корпусъ, увидѣвъ, что главная роль принадлежитъ сенату, оставался въ пассивномъ положеніи. Самый составъ его, несмотря на прекрасное поведеніе въ декабрѣ, обуславливалъ вялость и неспособность къ оппозиціи.

Несравненно болѣе интересовало всѣхъ отправленіе Коленкура и рѣшеніе вопросовъ объ участи Наполеона и его семейства. Самъ Императоръ Александръ желалъ какъ можно скорѣе окончить это дѣло, потому что видѣлъ возраставшее вліяніе партіи Бурбоновъ, не довольной обѣщаніемъ Царя отдать Наполеону Эльбу, лежащую слишкомъ близко къ континенту. Австрійскій императоръ далъ уклончивыя обѣщанія уступить Парму дочери и внуку. Только настойчивость русскаго Императора дозволила ему сдержать свое слово; но, во всякомъ случаѣ, нужно было дожидаться пріѣзда Меттерниха и лорда Кастльре. Вдругъ разнесся слухъ о возмущеніи въ Фонтенбло. Дѣло въ томъ, что молва объ оскорбленіи, нанесенномъ маршалами Наполеону, и о насильственномъ будто бы исторженіи у него отреченія распространилась въ арміи. Къ нелѣпымъ слухамъ прибавлены были еще болѣе нелѣпыя подробности, которыя привели солдатъ въ негодованіе. Войска предлагали свою жизнь за императора. Видя это самоотверженіе, зная, что ему оставались вѣрными Евгенийъ, Ожеро, Сультъ, Сюше, Мезонъ, Даву, Наполеону, можетъ быть, и приходила мысль, что онъ поспѣшилъ своимъ отреченіемъ, можетъ быть, и показавъ это; только, въ ночь на 8 апрѣля, гвардейскіе гренадеры и егеря ходили по улицамъ съ крикомъ: *Vive l'Empereur! à bas les traîtres!* грозя передушить всѣхъ измѣнниковъ. Волненіе это продолжалось недолго: Наполеонъ послалъ офицеровъ успокоить солдатъ и уговорить ихъ разойд-

тись по мѣстамъ. Одинъ изъ офицеровъ тотчасъ донесъ объ этомъ происшествіи въ Парижъ, прибавивъ, что Наполеонъ бѣжалъ изъ Фонтенбло, чтобы принять начальство надъ итальянской и испанской арміями.

Слухъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Александръ упрекалъ Коленкура въ обманъ и не хотѣлъ вѣрить увѣреніямъ его, что все это ложь. Въ Фонтенбло послано было нѣсколько офицеровъ разузнать обо всемъ подробно, и успокоились только тогда, когда убѣдились, что доносъ не имѣлъ никакого основанія. Но, чтобы обезпечить себя на будущее время какъ отъ слуховъ, такъ и отъ всего серьезнаго, что могло случиться въ Фонтенбло, словесное перемиріе переимѣнено было на письменное и назначена демаркаціонная линія. Наконецъ рѣшены были условія, за которыми прибылъ Коленкуръ. Наполеону уступали островъ Эльбу на правахъ государя. Онъ сохранялъ титулъ императора, которымъ привыкла величать его Европа. Онъ получалъ право взять съ собою 700 или 800 человекъ преданныхъ ему старыхъ гвардейцевъ, которые составятъ его почетную гвардію. Императрицѣ Маріи-Луизѣ и сыну ея уступлены, на такихъ же правахъ, Парма и Піаченца. Назначенъ былъ пенсіонъ императору въ 2,000,000 франковъ и столько же лицамъ его семейства; но Наполеонъ обязывался возвратить всѣ коронныя драгоценности и брилліанты. 2,000,000 онъ имѣлъ право роздать офицерамъ въ награду за ихъ службу. Принцу Евгению обѣщано было владѣніе. Императрицѣ Жозефинѣ назначенъ ежегодный пенсіонъ также въ 2,000,000 франковъ.

11 апрѣля рѣшено было собрать министровъ отъ союзныхъ державъ, членовъ временнаго правительства и повѣренныхъ Наполеона. Они подписали договоръ на вышеозначенныхъ основаніяхъ. Таллейранъ подписался во имя королевскаго правительства подъ условіями, исполненіе которыхъ зависѣло отъ Франціи. Коленкуръ передалъ ему актъ отреченія Наполеона. Таллейранъ принялъ его съ едва скрытою радостію. Вотъ какъ окончилась самая могущественная власть, которая когда либо существовала въ Европѣ со временъ Карла Великаго. Завоеватель, подписавшій трактаты въ Кампо-Форміо, Люневиллѣ, Вѣнѣ, Тильзитѣ, Байоннѣ, Пресбургѣ, чрезъ своего повѣреннаго получалъ ничтожный островъ въ Тиренскомъ морѣ и пенсіонъ себѣ и своему семейству! По подписаніи договора, Таллейранъ обра-

тился къ Коленкуру и къ его товарищамъ съ предложеніемъ имъ услугъ, такъ какъ всѣ обязательства ихъ въ отношеніи къ императору были кончены. Коленкуръ отвѣчалъ, что его обязательства къ императору прекратятся только тогда, когда будутъ точно исполнены всѣ условія подписаннаго трактата. Ней объявилъ, что онъ пристаеетъ къ правительству Бурбоновъ, Макдональдъ отвѣчалъ, что поступить какъ Коленкуръ.

Наполеонъ принялъ весьма ласково прибывшихъ къ нему Коленкура и Макдональда, вѣрность котораго особенно его тронула, потому что онъ не всегда былъ справедливъ въ отношеніи къ нему. Потомъ онъ остался одинъ съ Коленкуромъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, благодарилъ его еще разъ за выговоренныя условія, находилъ ихъ хорошими для семейства, слишкомъ хорошими для себя, которому ничего не нужно, и еще разъ выразилъ сожалѣніе о Тосканѣ. «Мой сынъ былъ бы счастливѣе на этомъ престолѣ, чѣмъ на престолѣ Франціи, окруженномъ всегдашними бурями и удержаніе котораго для моего семейства возможно только во имя побѣды. Къ тому же, престолъ этотъ необходимъ моей женѣ. Она добра, но слаба и тщеславна.... Другъ мой — обратился онъ къ Коленкуру — цезарь всегда можетъ стать гражданиномъ; но жена его врядъ ли примирится съ мыслью, что она жена не цезаря. Къ тому же, тогда она могла бы пріѣхать ко мнѣ: моя тюрьма была бы какъ бы въ ея владѣніи, потому что отдѣлялась бы отъ него только каналомъ Піомбино; я могъ бы надѣяться видѣть ее, даже посѣщать, что мнѣ навѣрное позволили бы, когда бы убѣдились, что я отказался отъ міра; я могъ бы найти счастье, котораго не зналъ среди блеска и славы, окружавшихъ меня. Теперь же, когда она будетъ въ Пармѣ, позволятъ ли ей видѣть меня?...» Прекративъ этотъ разговоръ, Наполеонъ сталъ говорить вообще о всей своей жизни и о лицахъ, принимавшихъ въ ней участіе, сознавался въ своей ошибкѣ, что, увлекшись блестящимъ положеніемъ Франціи, хотѣлъ создать великую имперію, отъ которой зависѣлъ бы весь міръ; что имперія эта была готова, осуществлена, но онъ не умѣлъ остановиться предъ преградами, поставленными самой природой; вспоминалъ о своихъ маршалахъ, хвалилъ особенно Массену за геройскую защиту Генуи, Сюше, Сульта, но не сказалъ ни слова о Даву, въ это самое время самоотверженно и геройски защи-

жившаго Гамбургъ; потомъ сталъ говорить о Бертье, котораго особенно любилъ, несмотря на отказъ его проводить Наполеона до Эльбы. «Онъ надѣется получить Нешательское княжество—говорилъ Наполеонъ — онъ жестоко ошибается; но это простительно. Я люблю Бертье, я не перестану любить его.... Безъ снисхожденія нельзя судить о людяхъ и особенно управлять ими.» О тѣхъ, которые оставили его, онъ отзывался безъ желчи и жаловался только на отсутствіе откровенности. «Я предлагалъ имъ, просилъ ихъ перейти на службу къ Бурбонамъ—говорилъ онъ—они отказывались, клялись въ вѣрности, а сами, въ это время, входили въ сношеніе съ новымъ правительствомъ и оставляли меня подъ какимъ либо глупымъ предлогомъ. То ли дѣло мой славный Друо! этотъ не оставитъ меня, потому что онъ олицетворенная добродѣтель.» Далѣе Наполеонъ говорилъ о своихъ министрахъ, изъ которыхъ ни одинъ не пріѣхалъ проститься съ нимъ, хвалилъ адмирала Декре, оправдывалъ его въ несчастіяхъ, испытанныхъ Французами на морѣ. «У меня было, Коленкуръ, 120 линейныхъ кораблей. Англія заснуть не могла. Она сдѣлала мнѣ много зла, это правда; но я оставилъ въ ея груди стрѣлу, пропитанную ядомъ: я создалъ долгъ, который будетъ тяготѣть надъ будущими поколѣніями ея, если не раздавить ихъ.» Таллейрану Наполеонъ пророчилъ скорую отставку, несмотря на всѣ услуги, оказанныя имъ Бурбонамъ: «они не продержатъ его и шести мѣсяцевъ, да и самъ онъ не согласится выносить ихъ долге». Коленкуръ удивлялся точности всѣхъ его замѣчаній, вѣрности взгляда, отсутствію обыкновенной желчи. Доложили о прибытіи отъ Императора Александра Орлова, для разнѣна ратификацій. Наполеонъ не прерывалъ своего разговора съ Коленкуромъ: «Кончить такимъ образомъ поприще, подписать миръ, въ которомъ я не выговорилъ никакихъ общихъ интересовъ, ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ, ни даже удержанія цвѣта нашей кокарды или сохраненія почетнаго легіона! подписать миръ, по которому мнѣ даютъ деньги! Если бы у меня не было сына, жены, сестеръ, братьевъ, Жозефины, Евгенія, Гортензіи, я разорвалъ бы на тысячу кусковъ этотъ договоръ. О, если бы мои генералы сохранили мужество еще на нѣсколько часовъ, я спасъ бы судьбу свою! Если бы этотъ ничтожный сенатъ не занялъ моего мѣста, чтобы вести переговоры, я сдѣлалъ бы

что нибудь для Франціи и удалился бы со сцены. Но оставивъ Францію такою маленькою, получивъ ее такою великою — это ужасно! Да и эти униженія далеко не послѣднія. Я долженъ буду проѣхать чрезъ южныя провинціи, возбужденныя страстями. Я простилъ бы Бурбонамъ, если бы они приказали умертвить меня; но мнѣ придется вынести оскорбленія отъ презрѣнной черни. Умереть на полѣ битвы ничего; но каково умереть въ грязи и подъ ударами такихъ рукъ!» Разговоръ этотъ, котораго мы представили только самыя характеристическія черты, продолжался весьма долго. Императоръ отпустилъ Коленкура, нѣжно простившись съ нимъ и не заронивъ въ его душу никакого подозрѣнія.

Дѣло въ томъ, что эта энергическая натура, эта сильнѣйшая душа, которая когда либо была въ человѣческомъ тѣлѣ, изнемогла, надломилась. Наполеонъ рѣшился покончить и съ жизнью, и съ нестерпимою тоскою. Со времени русскаго похода онъ всегда имѣлъ при себѣ сильный приемъ опиума, приготовленнаго докторомъ Ивановъ, именно послѣ сраженія при Малоярославцѣ, когда онъ увидѣлъ, что могъ попасться въ руки казаковъ. Онъ принялъ ядъ, разведенный въ водѣ, и легъ въ постель, въ которой надѣялся заснуть навѣки. Около 3 часовъ утра, онъ велѣлъ снова призвать Коленкура и извинялся предъ нимъ, что не перестаетъ его беспокоить. Не сказавъ ни слова о томъ, что сдѣлалъ, императоръ вынулъ изъ-подъ своего изголовья письмо и портфель. «Это письмо и портфель вы собственноручно передадите моей женѣ и моему сыну—сказалъ онъ Коленкуру— Они будутъ очень нуждаться въ вашихъ совѣтахъ, положеніе ихъ трудное, и я прошу васъ не оставлять ихъ. Несесеръ этотъ предназначенъ Евгенію. Скажите Жозефинѣ, что я думалъ о ней передъ смертію. Возьмите эту камю и сохраните ее на память обо мнѣ. Вы честный человѣкъ и всегда старались говорить мнѣ истину. Обнимите меня.» Теперь только догадался Коленкуръ, въ чемъ дѣло: онъ замѣтилъ стаканъ съ остаткомъ отравы. Слезы потекли изъ глазъ его. Онъ хотѣлъ броситься изъ комнаты, чтобы призвать доктора, но Наполеонъ остановилъ его сначала просьбами, потомъ гордымъ повелѣніемъ. Коленкуръ не зналъ, что дѣлать. Лицо императора выражало страданія и усилія остановить рвоту. Однако, побѣдить природы онъ не могъ и долженъ былъ извергнуть часть принятаго яда.

Коленкуръ бросился за докторомъ. Предъ Иваномъ все объяснилось. Наполеонъ умолялъ его оказать послѣднюю услугу — возобновить пріемъ: онъ боялся, что части, оставшейся въ желудкѣ, будетъ недостаточно. Докторъ Иванъ, уже прежде расквашившійся въ томъ, что исполнилъ просьбу императора, бросился бѣжать изъ комнаты.

Въ это время, вошли Бертранъ и Бассано. Наполеонъ просилъ, чтобы не распространяли молвы о печальномъ эпизодѣ его жизни, все еще надѣясь, что онъ будетъ послѣднимъ. Окружающіе думали то же самос. Императоръ впалъ въ забытѣе, продолжавшееся нѣсколько часовъ; его прерывали нѣсколько разъ страшные спазмы. Утромъ, Наполеонъ успокоился. Въ этотъ день, 12 апрѣля, назначенъ былъ вѣздъ графа Артуа въ Парижъ, и многія лица желали ѣхать туда и явились откланяться Наполеону. Императора посадили въ кресло у раскрытаго окна, чтобы воздухъ освѣжилъ его. «Судьба рѣшила, что нужно жить — сказалъ онъ Коленкуру — и ожидать, чего требуетъ отъ меня Провидѣніе.» Потомъ онъ пригласилъ войти Макдональда и объяснилъ свое положеніе болѣзнію желудка, припадки которой случались съ нимъ часто и отъ которой онъ умеръ на о. Елены. «Вы благородный человекъ — обратился онъ къ Макдональду—и я бы хотѣлъ наградить васъ не одними словами. Но почестями я не распоряжаюсь болѣе, денегъ у меня нѣтъ, да это и не достойно васъ. Вотъ сабля Мурадъ-Бея, взятая въ абукирскомъ сраженіи, которую часто носилъ я. Сохраните ее въ память нашихъ послѣднихъ отношеній и передайте ее вашимъ дѣтямъ.» Макдональдъ былъ тронутъ. Онъ обнялъ императора и грустно расстался съ нимъ. Они больше не видѣлись, хотя ни тотъ, ни другой не кончили своей карьеры. Макдональдъ и Бертье поѣхали въ Парижъ. Послѣдній общалъ вернуться. «Вы увидите, что онъ не возвратится», грустно, но безъ горечи произнесъ Наполеонъ.

Коленкуръ успѣлъ, между тѣмъ, передать Орлову ратификацію, подписанную императоромъ. Наполеонъ получилъ нѣжное письмо отъ Маріи-Луизы, обѣщавшей пріѣхать къ нему, во что бы то ни стало. Письмо это возвратило его къ жизни. «Провидѣніе хочетъ, чтобы я жилъ. Кто знаетъ будущее? говорилъ императоръ.—Къ тому же, мнѣ довольно жены, сына. Я ихъ буду видѣть, и, надѣюсь, часто. Потомъ я буду писать

исторію того, что мы совершили.... Я сдѣлаю безсмертными ваши имена.» Съ обыкновенной энергіей, съ которой встрѣчалъ каждую мысль, онъ занялся тѣмъ, какъ поселится на островѣ Эльбѣ, просилъ Коленкура отправиться къ Маріи-Луизѣ и къ государямъ устроить ея прибытіе къ нему. Онъ поручалъ передать ей совѣтъ видѣться съ отцомъ и просить у него Тоскану; но что касается до ея желанія возвратиться къ императору, то предоставить ей полную свободу дѣйствій. «Я хорошо знаю женщину, и въ особенности жену свою—прибавилъ Наполеонъ.—Вмѣсто французскаго двора — темница: это слишкомъ тяжелая жертва. Если она возвратится грустная, печальная, то я предпочитаю одиночество, и пусть она лучше останется тамъ, гдѣ будетъ царствовать, а пришлетъ мнѣ только сына.» Потомъ онъ занялся своимъ отъѣздомъ и еще разъ простился съ Коленкуромъ.

Между тѣмъ, какъ эти грустныя сцены смѣняли одна другую въ Фонтенбло, въ Парижѣ торжественно вѣхалъ графъ Артуа. Несмѣтное множество народа высыпало на встрѣчу принцу: буржуазія и національная гвардія, простой народъ и древніе дворяне, друзья имперіи и друзья свободы. При каждомъ приближеніи челоуѣка, запятнавшего себя во мнѣніи роялистовъ службою Наполеону, особенно многозначительно раздавался крикъ: *Vive le Roi!* Даже Монморанси встрѣченъ былъ такими восклицаніями, будто приходилось учить Монморанси, какъ слѣдуетъ служить королямъ. Только приближеніе маршаловъ Нея, Мармона, Монсея, Келлермана, Серюрье не вызвало напомниманій, могшихъ показаться ироніей. Впереди всѣхъ вѣхалъ Ней. Всѣ были съ трехцвѣтными кокардами, которой еще не сняла армія. Принцъ принялъ ихъ ласково и дружески всѣмъ пожалъ руку. У заставы встрѣтило его временное правительство, съ Таллейраномъ во главѣ. Блестящій кортежъ направился къ Собору Богородицы (*Notre-Dame*). Огромный соборъ наполненъ былъ государственными сановниками, ихъ свитою и штабами, и не разъ оглашался шумными восклицаніями въ пользу принца, сѣвшаго въ королевское кресло. Не было только сената, который вздумалъ вдругъ вести себя достойно и не принимать участія ни въ какой церемоніи, пока не будетъ принята составленная имъ конституція. Когда, среди наступившей

тишины, раздалась молитва за короля Людовика, которой графъ Артуа не слыхалъ съ тѣхъ поръ, какъ братъ его сложилъ голову на эшафотѣ, слезы брызнули изъ глазъ его.

Изъ собора принцъ отправился въ Тюльери. Онъ былъ взволнованъ до такой степени, что его должны были поддерживать. Вошедши въ первый этажъ, онъ благодарилъ всѣхъ сопровождавшихъ его и отпустилъ маршаловъ. Послѣдніе уже понимали, что они чужіе при этомъ дворѣ, что здѣсь имъ нечего дѣлать. На другой день Тюльери былъ открытъ всѣмъ желавшимъ представиться принцу, который радостно встрѣчалъ всякаго, кто только оказалъ какую нибудь услугу дѣлу короля или пострадалъ за него. Всюду слышались лесть, притворство, сравненія мрачной, подозрительной, жестокой тиранніи солдата съ отеческою, мягкою, довѣрчивою властію древнихъ законныхъ государей. Таллейранъ сказалъ принцу. «Довольно намъ славы—доставьте намъ честь». Геній и слава были забыты, какъ были забыты патріотическое чувство и любовь къ свободѣ, за которую, казалось, бесполезно пролито было столько крови. Нехорошо было, въ эти дни, въ Парижѣ немногимъ честнымъ людямъ, видѣвшимъ и понимавшимъ всѣ эти комедіи, разыгрываемыя великимъ, но легкомысленнымъ, вѣтреннымъ народомъ.

Между тѣмъ, какъ Бурбоны вступили въ Тюльери, оставалось вывести изъ Франціи Наполеона. Для охраненія особы императора, рѣшено было сопровождать его до острова комиссаромъ отъ каждой изъ четырехъ великихъ союзныхъ державъ. Для окончательныхъ распоряженій, Коленкуръ снова явился къ Императору Александру. Русскій Императоръ назначилъ своимъ комиссаромъ графа Шувалова и сказалъ ему въ присутствіи Коленкура: «Вы отвѣчаете мнѣ головою за жизнь Наполеона. Дѣло идетъ о нашей чести, и нашъ долгъ охранить его отъ оскорбленій и доставить цѣлымъ и невредимымъ на Эльбу». Онъ же распорядился, чтобы охранить Марію-Луизу отъ беспокойствъ со стороны роялистовъ. Послѣдняя, впрочемъ, не была ограждена этимъ отъ оскорбленій со стороны временнаго правительства, которое послало къ ней комиссара захватить остатокъ собственныхъ суммъ императора, золотую и серебряную посуду и часть брилліантовъ, лично принадлежавшихъ императрицѣ. Она ввѣрилась офицерамъ Императора Александра и пови-

новалась благимъ совѣтамъ своего отца ѣхать въ Вѣну, ожидать, пока пронесется буря, и успокоиться среди ласкъ и воспоминаній дѣтства.

Что касается до прочихъ членовъ императорскаго семейства, то всѣ они спѣшили немедленно выбраться изъ Франціи, чтобы избѣгнуть оскорбленій, которыя грозили имъ со всѣхъ сторонъ, и направились къ границамъ Швейцаріи и Италіи. Министры и правительственныя лица рушившейся имперіи тоже разѣхались въ разныя стороны, но по большей части въ Парижъ — искать милостей у новыхъ людей. Фонтенбло пустѣлъ съ каждымъ днемъ. Всюду царствовала тишина, нарушаемая изрѣдка стукомъ колесъ отъѣзжавшаго экипажа. Отдадимъ, впрочемъ, справедливость природѣ человѣческой и скажемъ, что было нѣсколько личностей, искренно привязанныхъ къ великому человѣку и расположенныхъ къ нему не изъ корыстныхъ цѣлей. Друо, Бертравъ, Коленкуръ и Маре не оставили своего несчастнаго государя и рѣшились раздѣлить съ нимъ судьбу его. Наполеонъ искренно и тепло жалъ имъ руки, не находя уже болѣе словъ, чтобы выразить имъ волновавшія его чувства. Пора было кончиться этой агоніи. Комиссары союзныхъ державъ были уже въ Фонтенбло. 20 числа рѣшено оставить Фонтенбло, и Наполеонъ пожелалъ проститься со своей гвардіей. Она собрана была во дворѣ дворца. Императоръ вошелъ въ ея ряды и голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, сказалъ не менѣе взволнованнымъ ветеранамъ: «Солдаты, старые мои товарищи, которыхъ я всегда встрѣчалъ на пути чести! намъ нужно разстаться. Я могъ бы остаться долѣе среди васъ; но для этого необходимо бы было продолжать жестокую борьбу и къ войнѣ съ чужеземцами присоединить войну междоусобную, а я не хочу терзать долѣе Францію. Пользуйтесь спокойствіемъ, которое вы такъ справедливо заслужили, и будьте счастливы. Не жалѣйте меня. У меня есть назначеніе, и я соглашаюсь жить, чтобы исполнить его: это — рассказать потомству великія дѣла, которыя мы вмѣстѣ совершили. Желая обнять каждого изъ васъ, я обнимаю это знамя, которое представляетъ васъ.» Онъ обнялъ генерала Пети, вмѣстѣ со знаменемъ, которое держалъ тотъ, среди восклицаній и слезъ людей, на сердца которыхъ онъ такъ магически умѣлъ дѣйствовать.

Путешествіе по Бургундіи сопровождалось постоянными криками «Vive l'Empereur!» и нерѣдко подлѣ кареты, въ которой сидѣли комиссары, слышалось: «à bas les étrangers!» Но чѣмъ далѣе подвигался поѣздъ, тѣмъ чаще раздавались восклицанія: «Vive le roi! vivent les Bourbons!» Лионъ, въ которомъ было много приверженцевъ Наполеона между рабочими, положено было проѣхать ночью, чтобы избѣжать манифестацій. Здѣсь были послѣднія выраженія преданности императору. Въ Валансѣ Наполеонъ встрѣченъ былъ Ожеро, издавшимъ прокламацію, о которой Императоръ не зналъ и которая заключалась словами: «Солдаты! вы освобождены отъ присяги, освобождены верховною властію народа и самимъ отреченіемъ человѣка, который, принеся милліоны жертвъ своему честолюбію, не умѣлъ умереть солдатомъ». Ожеро умеръ не лучше императора, плохо защищая берега Сены и Роны и содѣйствуя этимъ гибели Франціи. Императоръ разстался съ нимъ ласково. Далѣе, на югѣ, кричали, при проѣздѣ Наполеона: «à bas le tyran! à mort le tyran!» Въ Авиньонѣ негодующее населеніе требовало выдачи *Корсиканца*, его смерти и низверженія въ Рону, а кругомъ комиссаровъ раздавались крики: «vivent les allies!» Присутствіе послѣднихъ было необходимо для спасенія жизни Наполеона отъ разъяренной толпы. Въ Оргонѣ готовились еще большая опасность и самое тяжкое униженіе для императора. Онъ долженъ былъ надѣть иностранный мундиръ, чтобы не быть узаннымъ толпою. Народъ остановилъ карету, въ которой сидѣлъ одинъ Бертранъ; и требовалъ выдачи тирана. Нужно было все присутствіе духа графа Шувалова, чтобы спасти императора отъ вѣрной смерти. Вотъ эти-то оскорбленія приходили на умъ Наполеону, когда онъ рѣшился проглотить ядъ, приготовленный докторомъ Иваномъ. Императоръ долго оставался неподвижнымъ, молчаливымъ; изрѣдка скользила по губамъ его презрительная улыбка. Наконецъ онъ не выдержалъ, и слезы хлынули изъ глазъ его. Онъ съ трудомъ овладѣлъ собою и молча продолжалъ путешествіе. Сознавалъ ли онъ; въ эти минуты, свои ошибки, свои заблужденія? Толпа часто влачила по грязи людей, которые заслуживали только ея благословеній. Она была такою всегда, а послѣдній случай не принадлежитъ еще къ числу самыхъ несправедливыхъ.

28 апрѣля, въ заливѣ св. Рафаила, Наполеонъ сѣлъ на приготовленный ему англійскій фрегатъ *Undaunted*, а 4 мая вышелъ на берегъ острова Эльбы, въ Порто-Феррайо, среди радостныхъ восклицаній островитянъ, гордыхъ принять такого знаменитаго гостя своимъ государемъ.

II. ВЫВѢСКИ.